

84 P6
И 20

Сергей Иванов

**БУРЁНКА,
ЯГОДКА,
КРАСОТКА**

1977

Сергей Иванов

БУРЁНКА,
ЯГОДКА,
КРАСОТКА

Рассказ

РИСУНКИ П. ПОНОМАРЕНКО

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1977

И $\frac{70801-342}{M101(03)77}$ 043-77

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.

УТРОМ

Рано. Вся деревня спит. Только солнышко одно проснулось да вот Егор Петрович. И тишина — такая, как в детстве, когда ни машин ещё не было, ни самолётов, ни тракторов. Егор Петрович подымается, выходит на крыльцо. Его дом крайний, дальше идёт покатый лужок и озеро, укрытое сверху редким туманом.

Низкое раскосое солнце поджигает росу — сегодня как-то особенно ярко и самоцветно. Или это лишь кажется Егор Петровичу? Потому что к каждому утру он приглядывается зорче, чем другие: не так уж много ему осталось повидать на свете утр...

Заслышав скрипучую дверь, из конуры вылезает Жучка, большая тёмно-серая собака. Виляет хвостом, потягивается и потом садится рядом, привалившись Егор Петровичу к ноге, как любят все собаки. Улыбаясь, смотрит снизу вверх на хозяина:

мол, доброе утро, Егор Петрович! Ну как она, жизнь? А по мне, так очень даже ничего.

Егор Петрович тоже улыбается ей в ответ. Только улыбки его почти не видно за большою седой бородой.

Они старые знакомые. Жучке уже восемь лет — возраст для собаки почтенный. А уж умна, воспитанна! Можно сказать, из всех собак! Или просто Егор Петрович к ней очень привык и любит?

Он умывается. Жучка ждёт его на крыльце. Звон от ручьёмойника брызгами разлетается по всей деревне. Ну, теперь уж встают. А то и встали. Доярки-то обязательно встали.

И, подумав о доярках, Егор Петрович начинает делать всё поскорее, походче. А что ему надо? Позавтракать — чаю да хлеба: больше он с утра ничего не ест. Собаку накормить. С собой захватить — всё же они уходят до самого вечера. Ну вот и всё.

Егор Петрович идёт на ферму. На нём простая рубаха, серые штаны, на ногах сапоги, на голове льялая кепка — уж сколько солнышек в неё смотрелось, сколько дождей стучалось!.. С плеча свисает длинный кнут, в начале толстый и тугой, как палка, а к концу всё тоньше и гибче. Почти невидимой извилистой змеёю ползёт он по мокрой от росы тропинке.

За кнутом трусит Жучка. Она аккуратно ставит лапы на тропу, бежит ровно, чтобы не замочиться о высокую траву, что не кошенной ещё стоит слева и справа.

Тропинка эта — Егор Петровича как бы собственная. Другим ближе на ферму ходить улицей. А у него дом крайний, так он по лугу... В деревне говорят (если кому с того края на озеро надо): «А я Егоровой тропую...» И даже, наверное, когда Егор Петровича не будет, название это и тропа останутся — Егорова тропа.

Приходит он как раз вовремя. В больших широко раскрытых воротах фермы появляются коровы. Ступают они значительно, спокойно: Бурёнка, Ягодка, Красотка, Рябина, Лада... Первым шагает бык Булат — чёрный литой красавец. Шкура на нём лоснится и кажется чуть маловатой. Он едва поворачивает голову в сторону Егор Петровича: мол, узнаю. Егор Петрович усмехается про себя: и на том спасибо! А Жучка сидит сзади, из-за ноги старого пастуха поглядывает на быка.

Но вот все коровы вышли наружу. Егор Петрович взмахивает кнутом — с треском разрывается воздух. «Ну-у! Не балуй!» — это он так, для острастки. Доярки, стоя у ворот, улыбаются вслед Егор Петровичу. Жучка шныряет вдоль стада, не даёт коровам расходиться. Вдали по дороге пылит первый грузовик. Ну вот и начался день.

СТРАШНЫЙ СЛУЧАЙ

Солнце уже высоко. Уже глядит из-за леса, припекает Егор Петровичу спину и лысину. Но в воздухе ещё живёт, вздрагивая, ранняя прохлада. И старый пастух стоит, не уходит от солнышка, греется. А трава густа, свежа, как бывает только в июне, ранним утром, вся крупно посыпана аппетитной росой. Тяжёлые тени от леса углами лежат на лугу, впереди блестит река. Егор Петрович любит это место: стаду и сытно, и разбрестись особенно некуда. Спереди река не пустит, сзади он — пастух — доглядит.

Медленно-медленно, как тень висячего облака, движется стадо. Коровы пасутся неторопливо, обстоятельно. Редко какая-нибудь вздохнёт шумно, на мгновение подымет тяжёлую голову, оглянется и снова за работу. И нет для Егор Петровича более доброго, более мирного зрелища, чем его спокойное и, как говорят пастухи, схоженное стадо.

А ведь есть люди — боятся коров как огня!

Однажды пас Егор Петрович вот на этом самом лугу, и вдруг выходит из леса пионерский отряд. Увидели стадо — прямо замерли! А коровы их, конечно, и не замечают.

— Да идите! — крикнул Егор Петрович. — Ничего.

Но ребята ни с места — как привинченные! Ни девочки, ни даже мальчишки! Егор Петрович подошёл к ним. А Жучка осталась караулить стадо.

— Да вы чего, ребят?

— Мы же, видите, в галстуках, — сказала одна девочка. — А они же на красное злятся!

— Ступайте, ступайте спокойно. Вы их не тронете, они вас тем более!

По краешку луга ребята обошли стадо, потом переправились на ту сторону речки, сбросили рюкзаки. Их вожатая всё время шла сзади и часто оглядывалась: мол, в случае чего... А чего — наверно, и сама не знала. Егор Петрович, глядя на эту картину, незаметно улыбался: вот же городские!

Потом несколько человек (и вожатая тоже) опять перешли через речку на «коровью территорию» — приглашали Егор Петровича отобедать. Теперь шли они уже смелее, но, однако ж, всё-таки галстуки сняли.

— Они, может, на вид-то спокойные, — говорила вожатая, — но как посмотришь — столько рогов, и такие длинные! — прямо сердце останавливается! — И она смущённо улыбнулась.

— Да ведь чем рога длиннее, тем корова смирнее.

— Это что — правда или просто поговорка?

— Правда! А бодливой-то корове бог рог не дал.

— А вас что, ни разу коровы не бодали?

— Нет, ни разу! — Егор Петрович помолчал секунду. — А случаи, конечно, всякие случались.

Улыбаясь, он подождал, когда ребята его попросят, и только после этого стал рассказывать. Сделал он так не из гордости, а просто чтобы не набиваться. Говорят, к старости человек становится болтлив.

— Какой же случай рассказать-то вам?

— Страшный! — Это сказала самая маленькая из всех девочек. И смеётся, и уж заранее боится.

— Ишь ты! Страшный... Небось на ночь-то не просила бы! Ну страшный так страшный.

...Было это лет семь или восемь назад. Егор Петрович и внук

его Саня пасли стадо молодых телушек — работа трудная, нервная. Чуть загляделся — телушки сейчас норовят разбежаться.

— А зачем? — спросила всё та же девочка.

— А ты зачем с уроков бегаешь? Затем и они.

Ладно ещё, если б в одиночку бегали. А то одна припутится, а за ней подружки, вернее сказать, не подружки, а те, которые у неё в подчинении.

Когда телушек пасёшь или молодых бычков, то без лошади не обойтись. Пешком никаких ног не хватит за ними бегать. Но хоть оба они были на лошадях, однако уследить всё же не сумели. Поскакали заворачивать одну беглую компанию, а тут Красотка с другой стороны — да прямо в лес, в чащобу. И с собой ещё не меньше десятка утащила. Что делать? Стадо же не бросишь! Решил Егор Петрович ждать вечера. Вечером беглянки обычно возвращались сами — так бывало уже не раз.

Но пришёл вечер, а коров нет. Отогнали они с Саней остальное стадо в деревню, отправились искать. А места здесь диковатые, глухие. К тому ж скоро ещё и стемнело (время было ближе к сентябрю), следы потерялись... В общем, промокли они оба, ветки их нахлестали от души, туман их лапил, дымил в глаза и обманывал. Но куда денешься — искать надо... Уже звёзды едва ли не проползли полнеба с востока на запад, когда наконец наткнулись они на пропавших телушек.

— Дедушка, нашёл! — закричал Саня.

И побежал к коровам. Они стояли все посередине довольно большой мокрой поляны. Но как-то странно стояли. Егор Петрович ещё и сам не успел разобраться, в чём дело, только понял — опасность. И тотчас крикнул:

— Саша, стой!

Но было уже поздно. С рёвом какой-то зверь бросился Сане навстречу. Если б время было, Егор Петрович, наверно, ахнул бы от удивления: это же его телушка Красотка! А Саня — видно, сам страх его надоумил — не побежал назад, а быстро отпрыгнул в сторону. Споткнулся, уронил шапку. Но острые рога пронеслись мимо!

Однако Красотка тотчас остановилась, опять опустила голову, целясь в Саню. И тут мальчонка уж испугался по-настоящему — понял, что второй раз так ему не словчить. Сил у него только и достало, чтобы крикнуть: «Де-да! Ай! Де-даа!..»

Мысли, как пули, неслись в голове Егор Петровича: «Не успеть, не остановить! Даже телом своим не закроешь — Красотка

раньше там будет...» Но видно, тоже страх его надоумил. Что было сил Егор Петрович стрельнул кнутом. Удар ахнул по ночной тишине леса. Эхо стаями разлетелось в разные стороны... Саня, вытянувшись весь в струнку, упал как подрубленный. Красотка вздрогнула и вдруг не смогла оторвать ног от земли. Всё на мгновение замерло. И Егор Петрович успел пробежать необходимые пять шагов, стать между Красоткой и внуком. Сказал чужим голосом: «Красотка, Красотка...», сделал шаг ей навстречу. Прямо навстречу опущенным рогам.

Уж никто и никогда не скажет, что там творилось в её душе. Но Красотка вдруг попятилась, нелепо взбрыкнула задними ногами и каким-то странным полукругом побежала мимо Егор Петровича к своим товаркам. Видать, дошло, что перед нею сам пастух!

Теперь телушки все стояли в боевых позах, низко опустив рога. Было слышно, как они тяжело дышат, будто воздух вдруг стал для них густым и трудным. Каждое мгновение помня о лежащем без движения беззащитном Сане, Егор Петрович медленно шёл к ним и говорил, говорил что-то, лишь бы они слышали привычный его голос. Бросил кнут, протянул коровам ладони. Шли медленные секунды. Но вот Бурёнка (кажется, это была Бурёнка) вздохнула глубоко, словно очнулась от тяжёлого сна, и лизнула солёную от пота, вкусную ладонь. Языки у коров тяжёлые, щекотные.

— И не страшно вам было? — спросила вожатая.

— Так ведь... — Егор Петрович усмехнулся. — На волка хаживали.

И сам удивился тому, что нечаянно сказал: волка сравнил с коровой.

— А если они сейчас как начнут бодаться!

— Нет, — Егор Петрович уверенно покачал головой, — это уж нет!

— А вдруг!.. Вы же говорите: сами тогда не знали.

— Тогда, верно, не знал. А теперь знаю. Это ж всё мои родные коровы. Сколько уж лет вместе.

Ребята, помнится Егор Петровичу, здорово тогда смеялись: «Коровы — родные...»

А стадо его паслось всё так же неторопливо, обстоятельно. И про каждую корову старый пастух мог бы, наверное, целую книгу написать. Да только книг он писать совсем не умел.

МАЛЬЧИК

Северное лето капризное — день на день не приходится. Сегодня напоззли тучи, правда не дождевые ещё, а высокие. Плотной густой замазкой обложили всё небо. И сразу лес нахмурился, стал тёмным и молчаливым. Птицы приумолкли. Только соловей отчаянно свистел в наступившей вдруг тишине. От этой одинокой громкой песни как-то особенно грустно стало Егор Петровичу, да ещё нездоровилось из-за погоды.

Сверху просыпалось десятка полтора острых, неожиданно-холодных дождинок. Егор Петрович глянул на небо. Тучи плыли тяжёлыми слитками, но когда проходили под солнцем, то хорошо видны становились их изъяны. Становилось заметно, что они волокнисты, рыхлы, дырявы, что это просто водяной дым, туман.

Жучка, которая до той минуты неподвижно лежала чуть поодаль, встала и подошла к хозяину. Навострила не очень

послушные, свои непородистые уши. Склонив голову набок, глянула Егор Петровичу в глаза. «Ну до чего ж умна!» — подумал старый пастух. И не приказал даже, а скорее обратился с просьбой: «Ступай-ка глянь там, Красотка не шалит?» Жучка поняла и побежала неторопливой трусцой. Коровы не обращали на неё внимания.

Жучка обежала кусты, для порядка гавкнула на Красотку, которая, как всегда, хотела быть в стороне от стада. Хоть немножко, а в стороне: такой уж характер! Красотка чуть подняла на собаку рогатую свою, лобастую башку: мол, ты не очень-то!.. И отошла к стаду.

Егор Петрович, глядя на эту секундную сцену, усмехнулся и головою покачал: «Ведь знает же, что собака не тронет. А всё равно слушается! В чём тут дело?»

Жучка вернулась, опять легла на прежнее место.

— Ну что? Порядок? — спросил Егор Петрович.

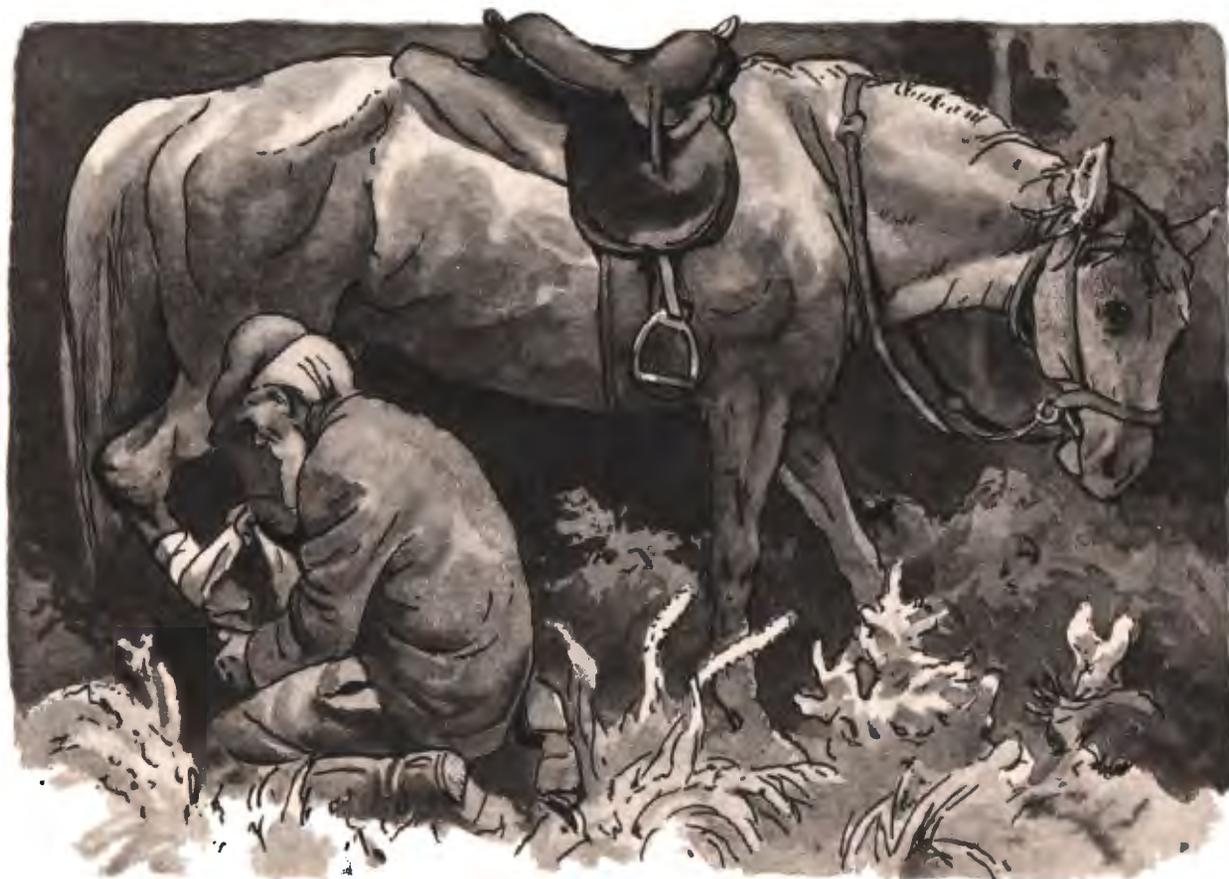
Собака глядела на него, положив голову на вытянутые передние лапы, и тихо била по траве хвостом.

— А ведь тоже ты у меня не молодка, — сказал Егор Петрович. — Мальчика-то помнишь?

Ему вспомнился старый пастушеский конь Мальчик, которого теперь уже на свете не было. Однажды в мокрую пору позднего сентября Егор Петрович ехал на этом Мальчишке по лесу — искал заблудшего молодого бычка. Сердце у Егор Петровича не лежало его искать, потому что отправляли того бычка и ещё нескольких его дружков-приятелей на мясокомбинат. Но в то же время надо было найти: не оставлять же в самом деле животное на закуску волкам!

Так ехал Егор Петрович в плохом настроении. Мальчик, наверное, это учуял и тоже начал хандрить. А где хандра, там и несчастье рядом. Вдруг конь как-то присел странно и стал валиться на бок. Егор Петрович — слава богу, опытный всадник! — высвободил ноги из стремян и с седла чуть ли не прыгнул Мальчику прямо на шею: если в седле оставаться, то упавший конь так может тебе ногу прижать, что без ноги и останешься.

Мальчик упал на бок. И Егор Петрович вместе с ним. Но тотчас вскочил. А конь продолжал лежать, скалил здоровенные

зубы и испуганно водил крупным круглым глазом. Правая задняя нога его попала под крепкий, как кость, берёзовый корень. Что не сломалась — чудо! Но как теперь вынимать её? Ни топора, ничего подходящего под руками не было. Егор Петрович потянул застрявшую ногу раз, другой. Она двигалась немного, но копыто не пускало. Попробовав так и эдак, Егор Петрович понял: надо ему с обратной стороны сунуть руку под корень и аккуратно, но сильно выталкивать лошажью ногу изнутри. Тут ему страшно стало! В проклятом этом подземном капкане тесно; чуть конь дёрнется — руку и ломает. Да это ещё не всё: если Мальчик свободной ногой брыкнёт (вот оно, копыто, в полуметре от лица), подковой в лоб угодит или в грудь.

— Лежи, Мальчик! — тихо проговорил Егор Петрович, а сам руку под корень — и толкает. Старается хоть чуть подрить жёсткую, сплетённую мелкими корешками землю. И в то же время на свободную ногу поглядывает, на тусклую белую подкову: ох, как из пушки ведь ударит!

Сколько он так провозился, пока не вытолкнул Мальчику ногу? На часы глядеть было некогда. Но всё это время конь пролежал не шелохнувшись. Только вздрагивал крупно, будто его кусали овода. А как стал Мальчик потихоньку, словно недоверчиво, подниматься, так и увидел старый пастух на правой задней ноге глубокую рваную полосу — крупные капли крови по шерсти, по копыту стекали и падали на землю, на промокшие палые листья.

Сердце у Егор Петровича так и остановилось: понял, на каком волоске был он от смерти... А Мальчик всё же не ударил. Боль терпел, а не ударил. Думал: значит, по-другому не может хозяин. И терпел. Только вздрагивал, как от оводов. Егор Петрович оторвал от исподней рубахи большой белый клочок и, словно товарищу, словно на войне, перевязал коню ногу.

— Да, Жучка! Вот какие бывают кони. Товарищи... А ты говоришь!

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Сарычева Николай Николаевича зовут в деревне Доктор, хотя он не доктор вовсе, а зоотехник. Егор Петрович иной раз даже специально кому-нибудь скажет: «А ты к Доктору зайди. Доктор знает!» Чтобы не забывали!..

Доктором стал Сарычев у партизан. А что делать? Не было в отряде настоящего доктора, пришлось зоотехнику пойти в доктора.

Теперь под День Победы или на двадцать третье февраля их обычно приглашают в школу — рассказывать про войну, поскольку они считаются ветеранами. Мало уж их осталось, ветеранов. Многие поумирали. Командир отряда Снеговой Илья Семёнович, минёр Никольский Сергей Иванович, командир разведки Хенделис Казимир Янович... И совсем старые были, которые сразу после войны умерли, как дядя Ваня Белов. И совсем молодые, которые просто не дожили, погибли кто от вражеской пули, кто от вражеской пытки, кто на виселице.

Освобождали этот район легко, почти без боя. Как Красная Армия подошла, фашист сразу дал дёру: струсил, да и силы были уже не те. В оккупацию — вот когда здесь была настоящая война!

...Однажды Хенделис послал Егор Петровича в деревню, к одной верной женщине: по избам должны были собрать тёплые вещи для отряда. Стояла уже середина октября, не сегодня-завтра могли ударить настоящие морозы и повалить снег.

Он вышел из лесу уже за полночь. Воровато прокрался лугом, потом по мосту через речку. Деревня на пригорке стояла вся чёрная, без единого огонька в окне. Задами, через кусты, но всё же так, чтобы не шуметь кустами, Егор Петрович вышел к нужной ему избе. Темь была хоть глаз коли.

У крыльца был специально воткнут шест и на нём пустая крынка — если в доме немцы или полицаи. Егор Петрович ощупал шест — пусто! Выходит, путь был свободен. И только ступил он один шаг — что-то хрустнуло под ногою... Он замер, будто каменным стал. Потом тихо-тихо нагнулся, ощупал рукой невидимую влажно-ледяную землю. И сразу пальцы нашли то, что искали, — глиняные черепки.

Но как узнать: то ли они от сигнальной крынки, то ли просто кто-то нечаянно кокнул тут горшок? Стукнуть в окно? Опасно! Уходить в лес? Стыдно. «Подожду, — решил Егор Петрович, — в избе трое ребятишек, уж обязательно кто-нибудь до ветру выскочит. Если, конечно, всё в порядке». Поплотнее запахнув телогрейку, чтобы звук не вылетел наружу, он взвёл курок трофейного пистолета и стал ждать. Час прождал, два и три, никто не выходил. Подозрительно! А с другой стороны, охота им была в такую холодень на улицу выскакивать, ребятишкам-то. Теперь уж спят давно! Постучать, что ли? Но удержался. И долго ещё терпел, коченея, почти не шевелясь. Но упорно грел под мышкой правую руку, чтобы хорошо было стрелять, если придётся.

Вдруг гроыхнуло ведро в сенях. Сердце сразу вздрогнуло — ох, не хозяйский сапог: видать, нетвёрдо знал в потёмках дорогу, сукин сын! А на улице темнота была уже чуть разбавлена серой водичкой рассвета. Медленно, как во сне, из ночи вытаивали деревья, кусты, сарай. Егор Петрович успел только встать. Но шагнуть за угол не успел. Бывает же — ноги от бездействия долгого стали как деревянные. Дверь раскрылась. На порог вышел полицай. Егор Петрович почему сразу узнал — тот

в чёрном пальто был суконном. Немцы в райцентре базу пограбили и всем полицаям выдали эти пальто — как бы «форму».

Егор Петрович стоял, тесно прижавшись к стене. Серый ватник, серые штаны на сером — будто врос. Сейчас бы полицай спустился с крыльца, а Егор Петрович за его спиной нырнул за угол дома.

Но полицай, как на грех, увидел его. Вдруг ни с того ни с сего повернулся всем корпусом и наткнулся на взгляд стоящего у стены партизана. Егор Петрович приложил палец к губам. А пистолет его чёрным немигающим глазом смотрел прямо в полицаяву суконную грудь. Было ещё темновато — может, в этом дело? А может, полицай попался смелый, а может быть, просто пьян был этот человек. Но только он крикнул: «А ну, брось оружие!»

Где-то на другом конце залаяла одинокая собака. Полицай уже стряхнул с плеча карабин. Так он и замер в памяти — повернувшийся левым боком, в чёрном пальто, с раскрытым ртом и злыми, испуганными глазами. Егор Петрович выстрелил и побежал. Кусты засвистели ему навстречу то шашкой, то плетью.

Сперва он ничего не слышал, только стук шагов отдавался в ушах. Но потом: та-та-та-та-та... — мотоцикл. Мгновенно сообразив, Егор Петрович изменил направление: к мосту, к дороге

бежать теперь было нельзя. Кусты отпрыгнули назад, Егор Петрович бежал по заболоченному берегу к реке. Корка утреннего приморозка проламывалась, и сапоги хватала причмокивающая слякоть. Егор Петрович стал задыхаться, но ни капли не давал себе поблажки — бежал и бежал изо всех сил.

Сильно толкнувшись, прыгнул с берега, стараясь подальше пролететь над водой. По грудь ухнулся в лёд октябрьской реки. Сердце и дыхание остановились. Но Егор Петрович продолжал двигаться вперёд, выворачиваясь всем телом, чтобы растолкать воду. Он выбрался на другой берег и увидел краем глаза: на мост выезжает мотоциклетка, расстояние всего метров двести. «Попался!» — сказал он сам себе и опять побежал, бухая мокрыми сапогами. Ватник висел теперь пудом. Но сбросить его не было времени.

Сердце горело нестерпимым огнём, и дышать он уже не мог. Но всё продолжал бежать. Оглянулся. Мотоцикл вилял меж кустов теперь метрах уже в тридцати. И если б хотел, мог догнать его в два счёта. Но те, на мотоцикле, желали, видно, не догнать его, а загнать. Они охотились, уверенные в успехе. И тогда Егор Петрович вдруг остановился. В мгновение увидел: в люльке сидит полицейай и на заднем сиденье полицейай, а ведёт мотоцикл солдат в серо-зелёной немецкой форме. Почти не целясь, Егор Петрович выстрелил. И тотчас мотоцикл, словно живой, резко и неловко развернулся и со всего маху прыгнул в куст. Последнее, что успел он увидеть, это туча непрочной осенней листвы, брызнувшая в разные стороны.

Он бежал. Вдогонку ему полетело несколько выстрелов, свистнули пули. На ватных, мёртвых ногах он пробежал короткий лужок. И упал. У самого края леса, в еловом густом молодняке. И здесь его сердце схватили холодные клещи. Он раскрыл рот, выпучил глаза, словно рак в кипятке, и почувствовал, что умирает.

Вдруг он увидел: на луг выбежали двое полицейайев. Испугались открытого пространства и упали на седую утреннюю траву. Опасливо поднялись, держа карабины наизготовку, пошли к лесу. А Егор Петрович не мог ни рукой, ни ногой шевельнуть, и весь остаток сил уходил на то, чтобы удержать внутри себя стон. А так хотелось застонать, так спасительно было сказать протяжное: «Ах! Оох!» — это Егор Петрович всей душой чувствовал, но молчал, молчал. И клещи от этого сжимались ещё сильнее.

Полицаи стояли сейчас метрах в пяти от него, он хорошо видел их сквозь путаницу веток. Кажется, и теперь бы, через столько лет, мог узнать их среди огромной толпы народа.

Они стояли перед лесом, перед входом в партизанские владения, и оторопь их брала. А лес сурово молчал.

— Батя! — вдруг сказал молодой, жалобно так сказал, хотя руки его по-прежнему сжимали карабин. — Давайте уйдём отсюда, батя! Скажем: шлёпнули его, а он в омутах и потонул.

— Да ты что! — хрипло сказал усатый полицаи, не отрывая глаз от тёмной стены леса.

— А он же мёртвый, батя!

— Да ты почему знаешь?

— А если б он жив был, он бы по нам стрелял, понимаете?

И тогда они начали медленно отступать — пятиться по-осеннему, схваченному желтизной лугу. И всё время держали под прицелом ненавистного врага своего — партизанский лес.

А когда скрылись за куст, стали палить: то ли от злости, то ли чтобы начальство слышало. Пули стукали по стволам. Одна пролетела совсем рядом — отсекла веточку с молодой ёлки, за которой лежал Егор Петрович.

Теперь уж этих ёлок, конечно, нет. Одни погибли, другие выросли в большие деревья. Места почти не узнать! Иной раз придёт сюда Егор Петрович со стадом: вроде здесь было, а вроде и...

А сердце медленно тогда у него отпустило, медленно. Он ещё и в землянке больничной пролежал три дня. Причём стыдился страшно перед ребятами, потому что никуда не был ранен. А сердце — это не партизанская болезнь! Но подняться не мог. Только встанет, а клещи снова его — хватать!

Однако странно. Почти уже тридцать пять лет прошло, а сердце с того времени не болело у Егор Петровича ни разу.

ЧУДЕСНИЦА

Сегодня Егор Петрович прощался с одной из любимиц своих. Звали её Чудесница Вторая.

Её бабка, Чудесница Первая, гремела и славилась лет пятнадцать назад. То была красивая белая корова, большая и дородная, на невысоких крепких ногах. Егор Петрович и сейчас помнил её как живую — красавица!

Но уж строга была! Ей, например, сена поднесут... Другие коровы его хруптят да подхваляют. А Чудесница морду отвернёт и стоит. Башка здоровая, умная, рога длинные. А в глазах обида: «Что же вы мне сена-то лежалого даёте, а?» Уж так она глазами умела разговаривать! Казалось Егор Петровичу, лучше, чем иной человек языком.

В общем-то, нрава она была спокойного. Чтобы когда-нибудь кого тронуть — упаси боже! Но цену свою высокую знала: коли я рекордистка, то будьте любезны меня и обслуживать как надо,

потому что работаю не за страх, а за совесть. И ведь правда: другие коровы в день литров по десять, пятнадцать натягивают, а у неё — сорок! Да таких коровок, может, вообще на всём земном шаре считанные единицы. Про неё и в журналах, и в книгах писали. Даже кино один раз снимали — про Чудесницу и про доярку её Марию Андронову.

И только один был у той Чудесницы недостаток: очень уж медленно расставалась она с молочком. Бывало, всех коров уже выдоят, а Мария всё сидит и сидит со своей рекордисткой. «Ох, — скажет, — совсем мне Чудесница руки отмотала, а отдала только-только ещё полведра».

Однако это был недостаток, как бы сказать, не очень серьёзный. Ну, подумаешь, беда — доится медленно! Зато молока-то сколько! Так считалось раньше, пока доили руками. Но вот стали машинами доить, и пошёл уже совсем другой разговор. Егор Петрович всё чаще слышал, как про коров говорили: «станки». Теперь стало нужно, чтобы все коровы были как бы одинаковые, удобные для машины, чтобы доились легко и быстро.

Начали рекордисток с особым характером (а у них у всех какой-нибудь «особый» характер), начали их постепенно из стада убирать. Но Чудесница не дожидала до таких времён. До конца своих дней была она в почёте и славе. А вот уж внучке её, Чудеснице Второй, пришлось это испытать на себе.

Она тоже была рекордистка. Правда, не такая, как бабка её. Но ведь за нею специально и не ухаживали, не раздаивали. На ферме царствовал доильный аппарат. У Чудесницы Второй молоко-то было, а вот быстро отдавать его, как машина требует, она не умела. В бабку пошла! Если б её ещё вручную додаивать. Но где ж это время взять? Теперь на ферме всё быстро делается: раз, два, следующий! Как на конвейере — возиться некогда.

Вот и пришлось с Чудесницей Второй расстаться, перевести в другую деревню, на ферму, где доят пока не машиной, а руками.

Егор Петровичу сказала об этом Катя Андропова, дочка знаменитой доярки. Увидела его, когда все большою толпой выходили из Дома культуры после кино. Егор Петровичу картина понравилась. Он шёл глубоко задумавшись, надвинув знаменитую свою кепку на самый лоб, хотя был уже вечер, темно и фонари горели вперемешку со звёздами.

Тут его как раз и догнала Катя, по-городскому взяла под руку.

— Здравствуйте, дядя Гóра. От Сани чего нет ли?

Они поговорили про Саню, который уже второй год служит на флоте. И Егор Петрович всё время чувствовал, как Катина рука аккуратно поддерживает его. Много лет прожил он на свете, а вот под ручку, кажется, ни разу не хаживал. И тут Катя сказала:

— А знаете ли, от вас триста седьмого номера забирают.

— Какого триста седьмого? — удивился Егор Петрович.

— Да корову же, номер триста семь.

— А зовут-то как?

— Я не помню.— Катя легко пожала плечами.— Их разве имена все упомнишь. А по номерам мне как-то понятней.

Егор Петрович так и эдак стал выяснять, что же это за корова. Наконец понял — Чудесница!

— Эх ты, Катерина! — сказал он не то грустно, не то строго.— Какую же ты корову-то забыла. Ведь с её бабкой твоя мать на весь мир прославилась, ордена получила, Героя!

— Дядя Гор! Да я же... Не всё равно — что Чудесница, что триста седьмой. Кличка и кличка.

Нет, Егор Петровичу было не всё равно! Когда он только скажет себе: «Чудесница», сразу видит её — точную копию бабки — белую, большелобую, спокойную. Любимицу свою. Позовёт её: «Чудес, Чудес, Чудес!..» Она тяжело подыметяся — сперва задними ногами, потом передними. Пойдёт к нему по лугу среди лежащих, уже напасшихся коров. И старый пастух, улыбаясь, делает несколько шагов ей навстречу.

Для других коров (и даже для самого Булата!) кто есть Егор Петрович? Коровий царь! А цари что ж? К ним не подступись. И либо ты их боишься, либо против них бунтуешь (особенно по молодости телячьих лет). Но чтобы с пастухом дружить!..

Наверное, одна-единственная Чудесница это умела — относиться к Егор Петровичу не приниженно, а ласково. И понимала, что и он тоже с нею ласков.

Теперь Чудесница должна была уехать.

Но, конечно, она ничего знать не могла и назавтра паслась так же старательно, как обычно, как умела в стаде только она одна. Егор Петрович смотрел на неё, насупив седые брови, вспоминал. Потом медленно пошёл к Чудеснице. То ли в шутку, то ли всерьёз ему подумалось: «Надо сказать...»

Коровы, завидев его, удивлённо и неловко расступались.

Оборачивали вслед ему головы. Потому что пастух должен быть с краю стада — так уже заведено (на самом-то деле просто так удобнее наблюдать за коровами, какую, если надо, заворотить или послать собаку).

Жучка, тоже, между прочим, сбитая с толку, собралась было пойти за хозяином. Однако Егор Петрович коротко остановил её:
— Место!

Жучка опять уселась на краю пёстрого коровьего озера. Глаза её стали внимательны, нос чутко вытянулся, лапы, аккуратно подобранные, готовы были бежать в любую сторону, куда только им прикажет длиннохвостая их хозяйка. Егор Петрович на секунду невольно залюбовался своею собакой: до чего же всё-таки умна! Потом он снова пошёл сквозь стадо, чувствуя на себе недоуменные взгляды коров.

Он подошёл уже совсем близко, но Чудесница всё паслась — обстоятельно, добросовестно, ничего не замечая кругом.

— Чудес, Чудес!

И только тогда она, продолжая рвать губами траву, снизу вверх скосила на него глаза. Потом подняла голову, но всё жевала — по коровьей своей привычке.

— Видишь ты... — начал Егор Петрович. — Вот так-то... Вот и расстаёмся. — Говорил он нарочито медленно, стараясь подобрать самые простые слова. Чудесница смотрела на него внимательно и спокойно. Потом потянула морду к его руке. Егор Петрович вынул из кармана кусок подсоленного хлеба. Чудесница благодарно вздохнула, бархатными большими губами взяла хлеб.

Егор Петрович говорил, а сам старался по глазам её узнать, поняла или нет. Но Чудесница Вторая не умела так хорошо разговаривать глазами, как её бабка. Или Егор Петрович научился понимать? Да нет! Просто в глазах этих были только доброта и спокойствие. «Ну, может, хоть запомнит, — с сомнением подумал Егор Петрович. — Её повезут, здесь она и сообразит: «А-а... вот что мне пастух-то рассказывал!»

Егор Петрович погладил Чудесницу по широкому боку. Шерсть под рукою была тёплая и гладкая. Потом он ушёл на своё обычное пастушеское место, где его ждала Жучка. И больше Егор Петрович к Чудеснице не подходил — как-то считал это для себя неудобным. Хотя, в общем-то, что они, коровы, понимают!

На следующее утро Чудесницу увезли. Она не видела Егор Петровича, а Егор Петрович её видел. Чудесница стояла в кузове и смотрела на всё спокойно, уверенно, сверху вниз. Думала: может, за наградой.

Машина тронулась, побежала по дороге, ударяя на выбоинах колёсами. Но вот стала меньше, скрылась за лесом. И только остался после неё висячий пыльный след.

НАШЛИ КОГО БОЯТЬСЯ

С самого утра Булат был не в настроении. Шатался по лугу взад-вперёд, пасся плохо. То и дело угрюмо опускал здоровенную башку, рыл правым рогом землю. Вроде бы чуть царапнет, а такую дернину выворотит — страшно. «Ну что делать, — думал Егор Петрович. — Встал не с той ноги. Ног-то четыре. Не мудрено и ошибиться!» Коровы расступались перед ним, как перед танком. Каждая торопливо шла куда подальше, раскачивая на ходу тяжёлым выменем. Жучка, которая терпеть не могла никакого разброда (так уж приучена!), бросилась было собирать их. Но Егор Петрович строго остановил её:

— Не лезь! Ляжь спокойно и лежи. Уж сама до седого хвоста дожила, всё учить тебя надо!

Жучка вернулась, легла чуть обиженно, отвортила голову: мол, что мне, больше всех надо? Но не могла так улежать долго. Поднялась, встала, перебирая лапами. Наконец не выдержала,

тявкнула, но только тихо-тихо — чтоб одному хозяину слышно. Егор Петровичу и тревожно было и смех на неё брал: вроде бы Жучка его упрекала.

А что тут поделаешь? Бык он и есть бык. Корова — чем смиреннее, тем лучше. И пасётся прилежней и молока больше. А если бык тихого нрава, значит, в нём настоящей породы нет.

Всё-таки Егор Петрович решил пойти к Булату — утихомирить его. Мало ли, может, и получится. Хотя что-то не помнил Егор Петрович такого случая, когда Булат вдруг успокаивался так, за здорово живёшь.

Не пожалев своего завтрака, он взял большой ломоть чёрного хлеба, порезал на него кружками солёного огурца да сверху ещё высыпал щедрые щепоти три соли. Получилось настоящее коровье пирожное. В другую руку он, однако, не забыл взять кнут. В обход стада, по краю луга, Егор Петрович пошёл к тому месту, где угрюмо рыл землю Булат.

Не доходя шагов пятнадцати, старый пастух остановился. Остановилась и Жучка. Села, обвив задние лапы хвостом. И глядела она туда же, куда хозяин её, — на Булата. Всё понимала!

А Егор Петрович невольно залюбовался своим быком. Могучий, смоляной. Шкура сверкала на нём, словно богатырские доспехи, в носу тяжело покачивалось стальное кольцо, хвост упруго развевался и вздрагивал. От морды, заросшей коричневатой короткой шерстью, тянулись густые и толстые, как суровые нитки, слюни. «Ну разбойник! — с удовольствием подумал Егор Петрович. — Ну порода!» Он тихонько кашлянул, чтоб голос его получился звучнее и уверенней, позвал:

— Булатка, Булат...

Ступил ещё шага два вперёд, протягивая на раскрытой ладони «пирожное». А другая рука между тем крепче сжала кнута.

— А, Булат?

Бычина медленно поднял пудовую свою башку. Егор Петрович увидел, как на шее у него заиграли стальные и гладкие бугры мускулов. Глаза Булата, налитые красной кровью, не предвещали ничего хорошего. Раздумывать было некогда: если кинется — тогда его не остановишь. Егор Петрович резко бросил вперёд правую руку. Свистнул по воздуху, громко выстрелил кнут. Вздрыгнули коровы, Жучка отпрянула в сторону. Егор Петрович смело пошёл на быка, стрельнул ещё раз, ещё. Нако-

нец кнут взорвался в каком-нибудь метре от Булатовой морды. «Я тебе!..»

И тут бык нескладно подпрыгнул, повернулся и побежал, задрвав хвост.

«Эх ты, горе моё! — засмеялся старый пастух. — Обычай бычий, а ум телячий». И он вздохнул спокойнее.

Но представление на том далеко ещё не кончилось. Сперва-то Булатка побежал, просто испугавшись. Но тут же, видно, заметил встревоженных, присмиривших коровок. И сообразил, что бегать ему никак не пристало. И тогда он сделал вид, что бежит на них, загудел во всю иерихонскую свою глотку — коровы кто куда... Потом сбились в кучу к самому лесу. Уж какое там пастись! Егор Петрович, Булат и Жучка остались на лугу одни.

«Ну, измучь тебя родимец! Собачий ты сын!» — сердито думал Егор Петрович. Однако он аккуратно завернул «пирожное» обратно в газету, сунул свёрток в карман. Глянул на сбившееся стадо: «Как бы в лес не ушли». И приказал Жучке:

— Ну-ка, ступай там живо! Пошла!

Жучка сразу побежала заворачивать, удерживать коров. А у Егора Петровича была своя работа. Со дна пастушеской своей холщовой сумки он вытащил красный квадратный лоскут. К двум углам его были привязаны бечёвки. Сунув покуда лоскут за пазуху, Егор Петрович пошёл к одиноко стоящей у реки старой суковатой берёзе. Булат между тем коротко мычал, никому вроде лично не угрожая, но в то же время ярясь на весь свет.

Егор Петрович остановился у берёзы, подумал, как бы сказал ей: «Ты уж меня прости!» И, кряхтя, полез по сукам наверх. Он и сердился на себя и смеялся: фокусник, придумал на старости лет по деревьям-то лазить... белка!

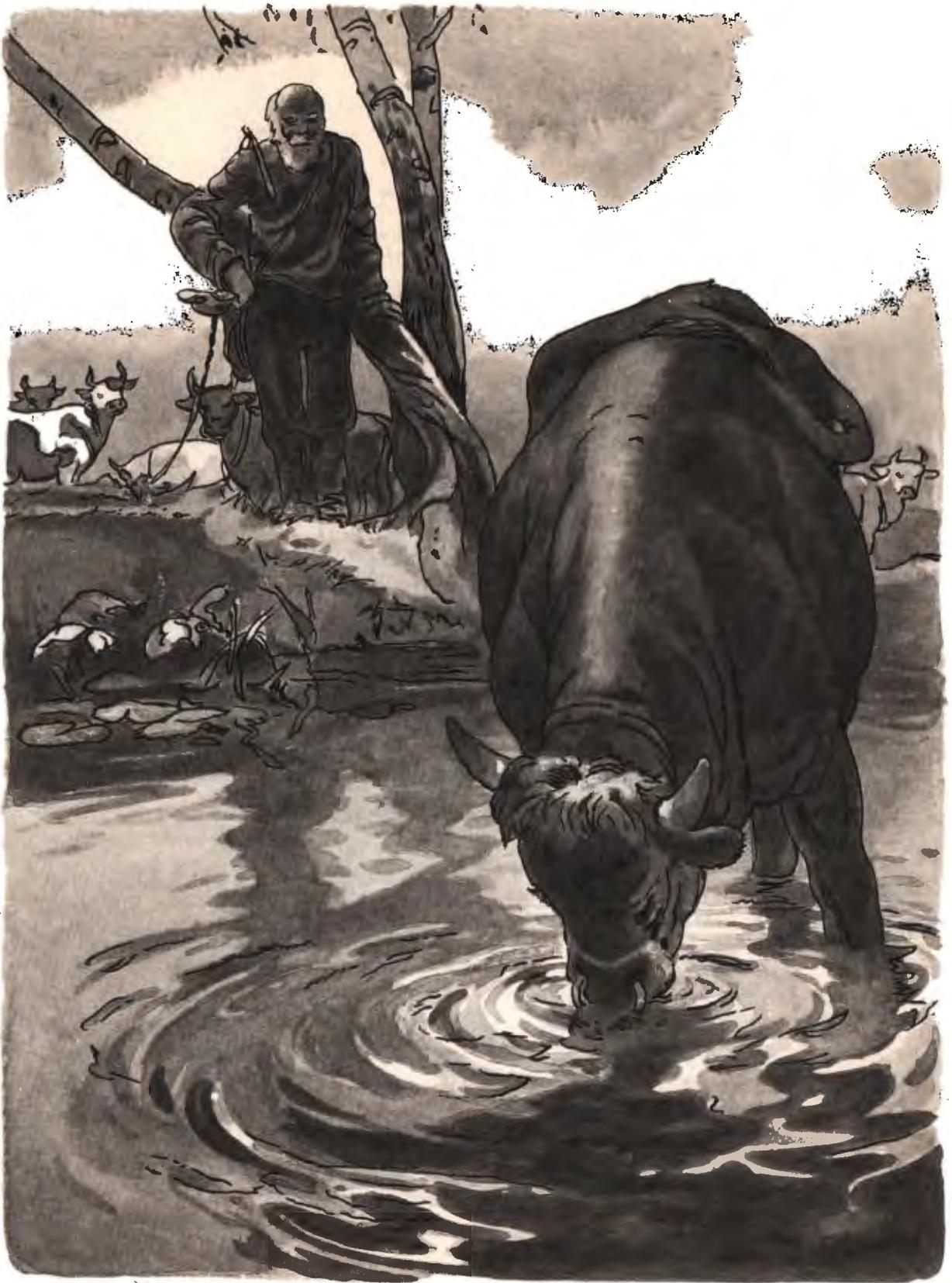
Добравшись до надёжного сука с развилкой, он уселся, как мог, прочнее, вынул из-за пазухи красный лоскут, спустил его на бечёвках вниз. «Ну держись, матушка, — мысленно сказал он берёзе. — Делать мне больше нечего!» Потом закричал:

— Булат! Булат! Булат!

И стал поддёргивать бечёвки — заплясал, словно дразнясь, красный лоскут.

Булатка повернул башку, как бы приглядываясь: «Му! У-у!» На вид он немного тяжеловат. А побежал — ух ты, как из пушки. Впереди несутся рога, словно два лома.

Старый пастух спиною весь вжался в берёзу. «Ну, помогай тебе бог, Егор!» Тут же будто гром ударил о ствол, затрещала

материя, брызнули куски коры. Булат выворотил из древесины рога, опять боднул с выворотом, с выворотом... А берёза вздрагивала и вздрагивала каждым листочком. Но разодранный кумачовый тряпка всё болталась перед бычьей мордой. Тогда Булат попятился, медленно, с натугой, будто за спиной его была громадная невидимая пружина. «Ну, Егорушка!..» И здесь пружина сработала. Полтонны ярости понеслись на бедную берёзу. Тотчас Егор Петрович дёрнул лоскут кверху... Грохнул такой гром, что берёза, кажется, зашаталась на вековых своих корнях. Старый пастух утёр красным лоскутом пот, сунул лоскут за пазуху.

Булатка вытащил из берёзы рога. И тут неожиданно заметил, что ненавистный враг его исчез — а значит, убит, побеждён. Для острастки Булат саданул ещё раз в берёзовый ствол, замычал протяжно и победно. И вдруг спокойно отошёл в сторону, напился, словно полречки решил выпить, и с удовольствием, с аппетитом стал пастись. Егор Петрович сверху, улыбаясь, смотрел на него.

Потом он слез осторожно. Как живые, осмотрел берёзовые раны — и свежие и те, что успели уже почти зарости с прошлого года. «Да, здоров ты стал, батька. Не мудрено — уж по шестой траве бык». На языке пастухов это значит, что Булату было пять лет, шестой. Самая сила!

«Однако надо мириться уж до конца», — сказал себе Егор Петрович. И тихо позвал:

— Була-ат, Булатка! Быцайка, быцаюшка...

Он вынул из кармана здорово помятое «пирожное», подошёл к Булату. Бык поднял голову, благодарно вздохнул. Жевалось ему вкусно, смачно.

— Что, Аника-воин, побаливают рожки-то? Ну до свадьбы заживёт.

Они стояли вдвоём и глядели, как на луг несмело возвращаются коровы.

— Вот дурёхи! — сказал Егор Петрович. — Нашли кого бояться. Да разве мы с тобой их тронем! Верно, Булат?

ВЕЧЕРОМ

Вот и вечер, вот и вечер на нашей улице, в нашей деревне. Вот и звёзды загорелись крохотными искрами на светлом северном небе. Для Егор Петровича кончены на сегодня все дела, даже ужин позади. Старый пастух расстилает на траве перед домом кожух, ложится на спину — лицом к небу. Прежде он любил в такие вот погожие свободные вечера выходить на лодке в озеро, когда вода тиха и светла и туман стелется над тёмным её стеклом медленной волокнистой порошей.

Но теперь этого нельзя Егор Петровичу. У воды сыро, а ревматизм только того и ждёт. И уж как набросится, как начнёт кости кусать!.. А здесь, на пригорке, ничего. Особенно если одеться потеплее.

Небо огромно. Звёзд постепенно становится всё больше. И горят они всё крупнее. Егор Петрович лежит, уложив большие свои руки за голову. И о чём он думает? Вспоминает, вспоминает...

Правду говорят: старикам есть что вспомнить. Только оглянись назад, вся жизнь перед глазами. А впереди мелькается что-то неясное, белеется. Но совсем немного. Что уж там осталось? На год и то загадывать трудно.

На земле тишина. А наверху, в небе, ветер, наверное, всё веет и веет. Откуда-то сзади, из-за головы Егор Петровича, появляются облака. Они идут по небу большими серыми коровами. Егор Петрович провожает их взглядом, а Жучка тихо спит в конуре.

Серое стадо ушло за горизонт. Сверху опять горят одни только звёзды. Но старый пастух этого уже не видит.

Так он спит до полночи, пока Жучка не залает случайно на привидевшуюся ей во сне Красотку. Тогда Егор Петрович отправляется в дом. И теперь уже до самого утра не будет в деревне ни одного человека.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сергей Анагольевич Иванов

БУРЕНКА, ЯГОДКА, КРАСОТКА

Ответственный редактор К. Д. Арон. Художественный редактор В. А. Горичева. Технический редактор Н. Ю. Крапоткина. Корректор Л. И. Дмитриюк. Сдано в набор 28/II 1977 г. Подписано к печати 1/IV 1977 г. Формат 60×90^{1/8}. Вум. тифдр. № 1. Усл. печ. л. 4. Уч.-изд. л. 2,57. Тираж 300 000 экз. Заказ № 5261. Цена 16 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушэвский вал, 49.